

ХУХЭДЭЙ МЭРГЭН: ФЕНОМЕН БОЖЕСТВА-ГЕРОЯ

В данной статье исследуется образ Хухэдэй Мэргэна – бога-громовержца в бурятской фольклорно-мифологической традиции. Рассматривается семантика его теонима, связанная с концептом неба и культом охотничьего божества. Генезис и эволюция образа Хухэдэй Мэргэна в контексте тюрко-монгольских уранических представлений показывают, что данный мифологический персонаж характеризуется двуединством своего образа – бога и героя и отличается выразительной эпической ипостасью. Демоноборческая функция Хухэдэй Мэргэна составляет ядро образа небесного героя – прототипа Гэсэра на бурятской улигерной почве.

Ключевые слова: фольклорно-мифологическая традиция, Гэсэриада, эпическая ипостась, герой, теоним, пантеон, тюрко-монгольские народы, Центральная Азия.

Хухэдэй Мэргэн тэнгри считается богом-громовержцем в бурятской мифологии. Семантика самого теонима – *Хухэдэй Мэргэн* указывает на внутреннюю связь данного божества с концепцией неба как высшего космического начала и его соответствие с исторически обусловленной этнокультурной спецификой сибирско-центрально-азиатского ареала. На уровне пантеона, как известно, оним каждого божества приобретает особую значимость как закодированный в имени миф. Теоним зачастую является единственным источником сакральной информации о самом божестве, его семантической и функциональной характеристике и генезисе образа, что прослеживается и в имени рассматриваемого нами божества.

Первая часть имени – *Хухэдэй* – морфологически распадается на две части: корень *хухэ* «небо» и аффикс *-дэй (-дай)* («имеющий отношение к чему-нибудь», «обладающий каким-либо свойством») [Бертагаев, 1971. С. 100]. Другими словами, в самом эпитете *Хухэдэй* закодировано понятие неба, имеющее и цветовую символику *хухэ* – синий, небесный. Вторая часть имени – *мэргэн* означает в переводе «стрелок, меткий». Причем, по мнению Г. Д. Санжеева, все герои бурятского эпоса носят титул «мэргэна», который в XIII в. у монголов считался шаманским. Помимо того, слово «мэргэн» имеет значение «мудрый», «одаренный» и т. д. (таковыми могут быть люди – избранники духов) [1936. С. XLII]. По всей видимости, «мэргэн» – слово полисемантическое, имеющее отношение к шаманскому фольклору, связанному с охотничьим обществом, в котором большую роль играли боги охоты, функционально соотносимые с *Хухэдэй Мэргэн тэнгри*. Принятый перевод «Небесный стрелок» не передает глубины и сакральности данного онима. На наш взгляд, понятие «Мэргэн» более емкое, чем просто «стрелок». Также и перевод слова «Хухэдэй» как «небесный» не отражает в полной мере его семантику. Скорее всего, форма «Хухэдэй» есть результат персонификации понятия «неба» как имени собственного, связанного с концептом божества неба.

Обращает на себя внимание адекватная обозначенность имени *Хухэдэй Мэргэн* в фольклорно-мифологической традиции как монгольских, так и тюркских народов – основных исторических носителей центрально-азиатской идеи Неба как верховного сакрального начала. Для сравнения можно взять тюркские варианты – киргизское *Кокотэй*, тувинское *Когудей*, телеутское *Когольдей*, алтайское *Когодей* (имя героя алтайского эпоса «Маадай-Кара») и их монголоязычные соответствия – халха-монгольское *Хоходэй*, ойрат-калмыцкое *Көкөдө*, бу-

рятское Хухэдэй [Неклюдов, 1980]. В такой же степени известным для тюрко-монгольского этнокультурного сообщества является имя Мэргэн (тюрк. Мерген), что свидетельствует о единой семантической основе образа Хухэдэй Мэргэна у монгольских и тюркских народов. Наиболее ярко это выражено в широко распространенном этиологическом сюжете о происхождении созвездия Орион (монг. Гурбан Марал, тюрк. Уч Мыйгак), в котором в качестве героя фигурирует Хухэдэй Мэргэн.

Возможно, исходной формой теонима Хухэдэй Мэргэн тэнгри было *Хухэ тэнгри* (ср. древнетюркское *Kök тэнгри* (Голубое небо) и древнемонгольское *Хухэ Мунхэ тэнгри* (Синее Вечное небо), что говорит о генетической связи данного божества с небом. Одной из характерных ипостасей неба в представлении кочевников является грозное состояние, выражавшееся в раскатах грома и сверкании молнии, что воспринималось как проявление космической стихии. Обожествление этого природного феномена стало важнейшей органичной частью культа неба в этнокультурной традиции тюрко-монгольских народов, а «шаманство, – по мнению Г. Н. Потанина [1882. С. 317], – есть отчасти культ громовника», поскольку он – «творец жизни на земле». Отсюда проистекает сакрализация молнии – небесной стрелы и мотив избранничества особой категории шаманов, отмеченных молнией (*тэнгэрийн удха*). Они обладали приоритетом в совершении обрядов, связанных с почитанием неба, и наследственным правом обращаться к тэнгриам. Им приписывалось искусство «завязывать» и «развязывать» грозу [Шаракшинова, 1980. С. 63]. У бурят существует особый шаманский клан *хухэ морьтон* – «синеконные», названные так по масти небесного коня громовержца [Балдаев, 1970. С. 173].

Подобного рода представления являются характерной чертой мировоззрения древних кочевников, о чем свидетельствуют письменные источники. Так, в них подчеркивается, что номады «любят громовые удары», которые вызывают у них ответную реакцию: они откликаются криком на каждый раскат грома и стреляют в небо. На месте, где молния оставила след, кочевники зарывают барана и зажигают светоч с ножом. Мужчины верхом на лошадях делают множество кругов под песнопение шаманки, призывающей о благополучии своего рода-племени. Тут же совершается обряд окропления кумысом сооружения из ивовых ветвей [Бичурин, 1950. С. 215–216]. В этом этнографическом описании с подробностями показано отношение древних монголов к грозовой иерофании неба, обретшей теологическую интерпретацию в лице Хухэдэй Мэргэна.

Примечательно, что подобный обряд, именуемый *тэнгэр дэгдээхэ* (досл. «поднять тэнгри на небо») и посвященный Хухэдэй Мэргэну, сохранился с незначительными модификациями у бурят эхиритского племени [Шаракшинова, 1980. С. 63–64]. Вероятно, не случайно Хухэдэй Мэргэн (вар. Хухэ Мунгэн) считается небесным покровителем племени эхиритов [Балдаев, 1961. С. 79]. Отголоски культа молнии и грома прослеживаются и в некоторых устных преданиях. Например, у селенгинских бурят существует воспоминание об обычае издавать неистовые крики во время громовых раскатов и произносить словесную формулу «отец мой тэнгри, мать моя – земля» [Бурятские летописи, 1995. С. 167], а представители рода хухыд возводят свою родословную к Хухэ Мунгэн тэнгри [Зориктуев, 1983. С. 137].

Второй компонент теонима – Мэргэн вернее всего отражает ипостась Хухэдэй Мэргэна как охотничьего и военного божества и восходит, вероятно, к древним временам, когда охота была главным источником существования, а промысловый культ составлял основу всех обрядов. На этой почве возникает прославление охотников, в чем видится, по мнению А. И. Уланова, один из истоков героического эпоса [1982. С. 23]. Это предположение косвенно подтверждается сохранением прежней традиции исполнения улигеров перед охотой у саяно-прибайкальских бурят. Необходимо упомянуть также об облавных охотах – *зэгэтэ аба*, во время которых певцы-сказители воспевали отличившихся охотников, рассказывали мифы и улигеры, со временем превратившиеся в шедевры устного народного творчества бурят [Балдаев, 1970. С. 15–16; Галданова, 1981. С. 46, 49–50].

Резонно предположить, что именно такая звероловческая среда способствовала зарождению и развитию культа божества – покровителя охоты, роль которого взял на себя Хухэдэй Мэргэн в силу схожести кинетической модели громовержца и стрелка. Возможно, облавные охоты, бывшие в древности своеобразными боевыми маневрами и подготовкой к войне, придавали Хухэдэй Мэргэну и функцию военного божества, также отвечавшему его семантиче-

скому комплексу в представлении кочевников, нуждавшихся в грозном небесном покровителе. Также следует учитывать, что шаманизм первоначально был, по мнению В. В. Бартольда [1968. С. 463], религией звероловов, а в эпоху монгольской империи самыми могущественными и искусными шаманами считались те, кто происходил из племен, сохранивших охотничий быт.

Помимо того, о Хухэдэй Мэргэне существуют мифы астрального содержания, подтверждающие его причастность к раннему «охотничьему» этапу кочевого общества и несущие в себе следы астрологии (мифы о созвездии Орион – небесных оленухах и небесном стрелке-охотнике, о Полярной звезде – коновязи для коней Хухэдэй Мэргэна). Эти примеры свидетельствуют о глубокой архаике астральных сюжетов, связанных с именем Хухэдэй Мэргэна, образующих оригинальный цикл и представляющих интересное явление в мифотворчестве древних кочевников (подробнее см.: [Болдбаатар, 2006]). Думается, не случайно древнейший охотничий герой тюрко-монгольского эпоса, каковым считается Хухэдэй Мэргэн, обнаруживает не только полное совпадение своего имени с теонимом самого божества, но и является его эпической ипостасью.

Действительно, в ряде архаичных улигеров бог-громовержец действует сам в качестве эпического героя, демонстрируя быстроту и блеск небесных стрел-молний. Хухэдэй Мэргэн представлен могучим божеством-всадником на девяти сивых крылатых конях, сотрясающим громом вселенную и испепеляющим молнией врагов человеческого рода. В эпическом пантеоне Хухэдэй Мэргэн, пожалуй, наиболее деятельный из всех небожителей, стремительно отзывающийся на просьбу о помощи со стороны улигерных героев. В этом видится роль Хухэдэй Мэргэна как особого, предназначенного свыше (*заяһан заяабари*) покровителя эпических богатырей, сражающихся на земле с мангадхаями и прочими чудовищами, что составляет сюжетную канву различных вариантов бурятской Гэсэриады.

Фактически Хухэдэй Мэргэн проявляет двуединство своего образа – бога и героя, органично связанного с небом и небесными явлениями. Связующим началом выступает их функциональная предназначенность, сфокусированная на уничтожении нечистой силы на земле, для чего они используют небесное оружие – молнию, иногда представленную магическим «небесным камнем» (*задай шулун*). Напомним, что в мифах о Хухэдэй Мэргэне особо подчеркивается его ипостась небесного стрелка. Так, в мифе о создании Вселенной благодаря меткому выстрелу Хухэдэй Мэргэна Золотая черепаха, державшая в лапах Землю, опрокинулась, и образовалась твердь, ставшая основой для цветущей Земли [Жамцарано, 2001. С. 84; Шаракшинова, 1980. С. 25]. В традиционном представлении бурят он чаще всего видится в динамичном образе синего всадника, скачущего на сивом коне и стреляющего из лука в злых духов, например в Архан шутхура. Последний персонаж в бурятской мифологии олицетворяет черта, находящегося во вражде с небом и нередко выступающего в креационных мифах антиподом и соперником бога [Жамцарано, 2001. С. 68, 84–85]. Эта способность Хухэдэй Мэргэна меткой стрелой уничтожать нечистую силу демонстрируется во многих сюжетах, а в метафорическом плане имитирует функцию громовержца, пускающего молнию. Таким образом, в этом древнейшем образе бога-громовника присутствует демоноборческий мотив, реализуемый на эпическом уровне в образе Хухэдэй Мэргэна как героя.

Согласно замечанию А. И. Уланова, Хухэдэй Мэргэн, безусловно, предшествовал Гэсэру в бурятской эпической традиции, так как ему не нужно было переродиться на земле [1957. С. 78–79]. Вслед за бурятским эпосоведом японский ученый К. Танака [1964] высказывает эту же мысль об аутогенности бурятских гэсэров, чья самобытность определяется наиболее рельефно в эхирит-булагатских улигерах. По мнению Ц. Жамцарано, к первым великим героям, связанным с «мифологической эпохой», относятся Гэсэр, Хухэдэй Мэргэн и Буху Хара хубун. Они являются фигурами богоподобными или даже богами. К последним принадлежат Хухэдэй Мэргэн и Гэсэр. Первый из них представляет собой громовержца, чья миссия обнаруживает очевидную аналогию с предназначением Гэсэра [Жамцарано, 1918].

В развитие этого тезиса не будет преувеличением сказать, что в мифологическом контексте эхирит-булагатской версии Гэсэриады Хухэдэй Мэргэн как эпический герой закодирован под именем Гэсэра [Дугаров, 2005. С. 6–33]. В эпосе подчеркивается, что подлинным родителем Гэсэра является Хухэдэй Мэргэн баабай или Хухэдэй Мэргэн тэнгри. Следует также иметь в виду, что имя Гэсэра имеет, скорее всего, нарицательный смысл, а сам Гэсэр – небожитель, вторично родившийся на земле, образ целиком мифический. Стало быть, в лице Хухэдэй Мэргэна / Гэсэра мы видим образ бога-героя, имеющего евразийские параллели. Такими, например, являются Тор в скандинавской мифологии и Мардук – в вавилонской.

Их отличает божественная эманация, проявляющаяся в качестве персонажей героического мифа как медиаторов между частями космоса и усмирителей демонических сил [Мелетинский, 1991. С. 297]. Феномен божества-героя, по всей видимости, был изначально присущ и центрально-азиатской традиции, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники тюрко-монгольской эпике.

Близкий Хухэдэй Мэргэну тип героя представляет Хар батор в восточно-монгольском «Сказании о кальпе», обозначенный его атрибутом – богатырской палицей, считающейся архаичным аналогом молнии. В связи с этим следует напомнить, что Хар батор является земным воплощением Хадарган Хар Буман тэнгрия, чей мифологический образ содержит общий функциональный аспект с Хухэдэй Мэргэн тэнгрием по линии атмосферно-грозовых божеств или буумал тэнгриев. Герой наследует функцию небесного отца-тэнгрия, демонстрируя ее в сценах избиения мангусов: он использует наряду с палицей и огненную плеть, которой подавляет мангусов (*мангасын дарлага-гал ташуур*) и очищает людей от мангусовой скверны. Плеть является поэтической метафорой молнии, указывающей на особую мифологическую функцию Хар батора как героя. Эта «мангусоборческая» миссия сближает его с бурятским Хухэдэй Мэргэном и Гэсэром. Характеризующая их героическая субстанция зиждется на единой семантико-функциональной характеристике, выражающейся в концепте героя – сына неба в лице архетипического бога-громовержца (Хухэдэй Мэргэн тэнгри).

Целесообразно напомнить о цикле легенд о Хухэдэй Мэргэне, записанном Г. Н. Потаниным у тюрко-монгольских информаторов Западной Монголии, Алтая и Приангарья. Среди них выделяется своей приближенностью к мотивам пролога Гэсэриады следующий сюжет, бытовавший у аларских бурят. В нем эпический герой Хухэдэй Мэргэн (в тексте *Когодей Мэргэн*) представлен как живущий на небе сын верховного Хухэ Мунгун (*Хухэ Мунгэн*) тэнгри. Он, подобно Гэсэру, отправляется в мир людей на борьбу с Мангадхаем [Потанин, 1883. С. 206]. В данном мифопоэтическом сюжете о Хухэдэй Мэргэне, его небесном происхождении и земной миссии в лапидарной форме выражена вся квинтэссенция Гэсэриады. Вышеприведенные примеры показывают, что Хухэдэй Мэргэн тэнгри в эпической интерпретации имеет модификацию его имени в форме Хухэ Мунгэн тэнгри. В унгинском прологе Гэсэриады последнего заменяет Хан Хормуста, а сыном его называется Гэсэр, сменяющий, в свою очередь, Хухэдэй Мэргэна. Суть же вышеназванных персонажей и их функциональная семантика остаются неизменными, несмотря на смену имен.

Таким образом, в пантеоне архаичных божеств знаковое место занимает Хухэдэй Мэргэн, имеющий культовую характеристику в качестве бога-громовержца, покровителя охотников и воинов, а также выступающего в роли небесного первопредка. Полисемантность образа Хухэдэй Мэргэна отражена во многих мифах, среди которых выделяются астральные сюжеты, свидетельствующие о древнем генезисе данного мифологического персонажа. Хухэдэй Мэргэн сумел сохраниться в своем исконном амплуа бога-громовержца как древнейшего уранического божества лишь в бурятской фольклорно-мифологической традиции. Исходя из гипотезы о существовании некогда в Центральной Азии тюрко-монгольской эпической общности, распавшейся на ряд «ветвей», можно предположить, что тип Гэсэра, соответствующий его предшественнику Хухэдэй Мэргэну в бурятской эпической традиции (ср. Хар батор в восточно-монгольском «Сказании о кальпе» и якутский Нюргун Боотур), мог вполне существовать в ранний период центрально-азиатской истории.

Хухэдэй Мэргэн – единственный из бурятских тэнгриев, чья функция бога-громовника заключается в уничтожении нечистой силы на земле, для чего им используется его небесное оружие – молния. Последняя функция архетипически характеризует Хухэдэй Мэргэна как бога-героя, обретшего в эпической интерпретации статус божественного воителя, наделенного демоноборческой миссией. Здесь произошло своего рода сгущение теологической концепции в мифологическом герое [Дугаров, 2009. С. 53]. Эта функция богатыря, истребителя сил Зла, совершающего подвиги во имя благополучия своего рода-племени, составляет ядро образа небесного героя – прототипа Гэсэра на бурятской улигерной почве, содержащего концепт сына неба, присущий центрально-азиатской фольклорно-мифологической традиции.

Список литературы

Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 255 с.

- Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1: Булагаты и эхириты. 463 с.
- Бартольд В. В.* Соч.: В 9 т. М.: Наука, 1968. Т. 5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. 759 с.
- Бертагаев Т. А.* Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 100–107.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.
- Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева).* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 198 с.
- Галданова Г. Р.* Эволюция содержания охотничьего культа // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 46–55.
- Дугаров Б. С.* Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 295 с.
- Дугаров Б. С.* К вопросу о генезисе Гэсэриады // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 4: Востоковедение. С. 50–54.
- Жамцарано Ц. Ж.* Введение собирателя // Произведения народной словесности бурят. Петроград, 1918. Вып. 3. С. 11–34.
- Жамцарано Ц. Ж.* Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 381 с.
- Зориктуев Б. Р.* К истории рода хухыд // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ. 1983. С. 134–141.
- Мелетинский Е. М.* Герой // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1. С. 294–297.
- Неклюдов С. Ю.* Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // *Etnografia Polska*. 1980. Т. 24, zesz. 1. С. 65–94.
- Потанин Г. Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1882. Т. ССХІХ, февр. С. 288–331.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах. СПб., 1883. Вып. 4. 1029 с.
- Санжеев Г. Д.* Эпос северных бурят // Аламжи Мерген: Бурятский эпос. М.; Л., 1936. С. VII–XLVII.
- Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957. 172 с.
- Уланов А. И.* О роли мифов в древнем фольклоре бурят // Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982. С. 18–24.
- Шаракишинова Н. О.* Мифы бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 167 с.
- Болдбаатар Ю.* Хөхдэй мэргэн од, түүний домгийн учир холбогдол // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. Official Journal of the National University of Mongolia. 2006. Vol. 2. No. 1. P. 152–162.
- 田中克彦. ブリヤート口承ゲセル物語にあらわれた二つの文化層・『民族学研究』(Танака Кацухико. Два культурных слоя в бурятском эпосе «Сказание о Гэсэре» // *Миндзокугаку кэнкю*. 1964. Т. 29. № 3. С. 272–282)

Материал поступил в редколлегию 12.02.2011

Bair S. Dugarov

HUHEDEY MERGEN: PHENOMENON OF DEITY-HERO

This article explores the image of Huhedey Mergen – god of thunder in the Buryat folklore and mythological tradition. It considers the semantics of its theonym associated with the concept of heaven and the cult of a hunting deity. The genesis and evolution of Huhedey Mergen in the context of Turkic-Mongolian uranical ideas indicates that the given mythological character is represented by the bi-unity of its image – the god and the hero and is distinguished by an expressive epic hypostasis. The demon-fighting function of Huhedey Mergen constitutes the core of the heavenly hero's image – the prototype of Geser on Buryat uliger foundation.

Keywords: folklore and mythological tradition, Geseriada, epic hypostasis, hero, theonym, pantheon, Turkic-Mongolian peoples, Central Asia.